

ДЖИМ ВИШ

МЫ ЖИВЕМ
В ТВОИХ СТЕНАХ

НАШ
ДОМ

Джим Виш

МЫ ЖИВЁМ В ТВОИХ СТЕНАХ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73214588

SelfPub; 2026

Аннотация

Старый дом должен был стать новым началом для семьи. Он стал их кошмаром.

После переезда одиннадцатилетний Элайджа находит в своей комнате странный карандашный рисунок. На нем изображена семья с пустыми глазницами и слишком широкими улыбками. Подпись гласит: «Мы живем в твоих стенах».

Сначала это кажется чьей-то зловещей шуткой. Но вскоре в доме начинают происходить необъяснимые вещи: тихий шепот в тишине ночи, пропадающие вещи, ощущение чужого пристального взгляда. Родители считают, что у Элайджи просто разыгралось воображение из-за стресса. И только он понимает – рисунок не был ложью. Кто-то действительно наблюдает за ними из темноты. И эти «кто-то» очень хотят стать частью семьи. Навсегда.

Джим Виш

МЫ ЖИВЁМ В ТВОИХ СТЕНАХ

Элайджа нашёл рисунок в четверг. День был серый, тоскливый, дождь заунывно стучал по крыше их нового, старого дома. Дом был единственным, что они могли себе позволить после того, как все пошло наперекосяк. Отцовская «перспективная работа в IT-стартапе» обернулась крахом и долгами, а материна мечта о студии керамики в пригороде утонула в ящиках с нераспакованным скарбом и вечными разговорами о деньгах.

Дом был викторианским, ветхим, пахнущим пылью и тайнами. Он стоял на отшибе, в полузаброшенном районе, где улицы носили названия вроде «Тенистой аллеи» или «Тихого проезда», что на деле означало лишь одно: здесь было мало людей и много тишины. Элайдже, одиннадцатилетнему мальчику с слишком большими для его лица очками, эта тишина давила на уши. Он скучал по своему старому другу Лео, по шумному двору, по знакомым стенам.

Именно от скуки он и занялся исследованием своей новой комнаты. Комната была просторной, с высоким потолком, украшенной лепниной в виде виноградных лоз, и огромным окном, выходящим в заросший сад. Стены были оклеены обоями когда-то дорогими, но теперь выцветшими до грязно-болотного цвета. На них угадывались размытые силуэты

цветов и птиц.

Элайджа водил пальцами по шершавой поверхности обоев, представляя, что это карта неведомой страны. И вот, в углу, за массивным комодом, который ему с отцом еле-еле удалось сдвинуть на пару сантиметров, чтобы подключить зарядное устройство, он нащупал неровность. Небольшой участок обоев отошел от стены, образуя пузырь.

Мальчик, движимый любопытством, аккуратно поддел край ногтем. Бумага с хрустом отстала, обнажив слой более старых, желтых обоев с вертикальными полосками. И там, в этом маленьком тайнике, был рисунок.

Он был выполнен простым карандашом, но прорисован с пугающей тщательностью. На нем была изображена семья. Нет, не семья, а какая-то пародия на неё. Четверо фигур стояли в ряд, вытянувшись вдоль листа, как на старых фотографиях.

Слева стоял мужчина. Высокий, тощий до неестественности, в длинном, мешковатом пиджаке. Его руки были непропорционально длинными, пальцы, похожие на паучьи лапки, сплетены на животе. Лицо было вытянутым, с острым подбородком и глубоко запавшими глазницами, в которых не было зрачков. Только пустота. Рот был приоткрыт в кривой, беззубой ухмылке.

Рядом с ним – женщина. Низкорослая, очень полная, в бесформенном платье. Ее волосы, прорисованные частыми, нервными штрихами, падали на лицо, скрывая его почти

полностью. Виден был лишь кончик носа и тот же, беззубый, растянутый в ширину рот. Ее руки, короткие и пухлые, лежали на плечах двух детей.

Дети были самыми странными. Мальчик и девочка. Они выглядели лет на шесть-семь. Бледные, с огромными головами и тонкими шеями. Их глаза были прорисованы слишком большими, с крошечными зрачками-точками, что создавало ощущение вечного, животного ужаса. Они улыбались. Улыбки были идентичными улыбкам родителей – широкими, лишенными зубов, неестественными, как маски.

Фигуры не стояли на земле. Они просто парили в белизне бумаги. А под ними, кривыми, неровными буквами, будто выводимыми рукой ребенка или кого-то, кто только учился писать, была выведена фраза на английском языке:

«We live in your walls».

Мы живем в твоих стенах.

Элайджа почувствовал холодок, пробежавший по спине. Рисунок был отталкивающим, но в то же время завораживающим. Он вытащил его из-под обоев и внимательно рассмотрел. Бумага была старой, пожелтевшей по краям. Карандашные линии местами стерлись, но общий жуткий посыл был ясен.

«We live in your walls». Элайджа перевел фразу про себя. Он знал английский достаточно хорошо. Слова вызвали в его воображении картины: эти четверо, эти твари, пробираются сквозь темные полости внутри стен, как тараканы, слушая

каждый звук, каждое движение.

Он спрятал рисунок в ящик стола, под грудку футболок. Но образ безглазого мужчины и улыбающихся детей преследовал его весь день. За ужином, пока его родители, Марк и Сара, обсуждали счета и поиск новой работы, Элайджа молча ковырял вилкой макароны, представляя, как за его спиной, в узком пространстве между гипсокартоном, шепчутся эти существа.

– Ты какой-то тихий сегодня, Эл, – заметил Марк, откладывая телефон. – Осваиваешься?

– Да, просто устал, – соврал мальчик.

– Это дом, сынок, – сказала Сара, пытаясь звучать оптимистично. – Старые дома полны характера. Нужно просто к нему привыкнуть.

«Характера», – мысленно усмехнулся Элайджа. Если под характером подразумевались карандашные портреты семейства психопатов в стенах, то да, дом им обладал с избытком.

Ночью ему не спалось. Дом скрипел. Старые дома всегда скрипят, это знал даже он. Но эти звуки были иными. Не просто дребезжанием труб или потрескиванием остывающих балок. Это были царапающие звуки. Короткие, отрывистые, будто кто-то проводил длинным ногтем по внутренней поверхности стены. Один раз ему показалось, что кто-то прошептал его имя. Шепот был тонким, писклявым, как

скрип несмазанной двери.

Он натянул одеяло на голову и заснул только под утро.

На следующий день он снова достал рисунок. Теперь, при дневном свете, он заметил детали, которые ускользнули от него вчера. На пиджаке у мужчины была прорисована пуговица. На платье женщины – едва заметный цветочек. А на шее у девочки – что-то вроде кулона, кривая линия. Но больше всего его поразили глаза детей. В этих крошечных зрачках-точках, если вглядеться, угадывалось нечто. Не отражение, а какое-то чувство. Не ужас, нет. Ликование. Злорадное, ненасытное ликование.

Он решил ничего не говорить родителям. Они и так были на грани. Мать плакала вчера на кухне, думая, что он не слышит. Отец ходил мрачнее тучи. Жалобы на «воображаемых друзей» или «скрипы в стенах» приведут лишь к раздражению и совету «не выдумывать».

Вместо этого Элайджа начал свое расследование.

Он обошел всю свою комнату, постукивая по стенам. Большая их часть отзывалась глухим, плотным звуком. Но в одном месте, в углу, за тем самым комодом, звук был более пустым, гулким. Он попытался отодвинуть комод еще дальше, но не смог. Силенок не хватило.

Следующей ночью скрипы стали громче. К ним добавился новый звук – тихий, влажный смех. Он доносился откуда-то сверху, с потолка, будто кто-то невидимый лежал на чердаке прямо над его кроватью и хихикал в пол. Элайджа

зажмурился, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

Утром он нашел первую аномалию.

На столе, рядом с его учебниками, лежал его любимый карандаш, сломанный пополам. Не просто сломанный, а будто его перегрызли. Дерево было измельчено, графит рассыпался. Элайджа точно помнил, что оставил его в пенале. Он никому не сказал об этом. Списал на себя, на неаккуратность.

Но затем вещи начали пропадать. Пропал ластик в виде динозавра, подарок Лео. Пропал один носок. Пропала маленькая металлическая машинка из коллекции. Элайджа перерыл всю комнату. Бесполезно.

Он начал слышать шёпот постоянно. Не слова, а отдельные звуки, шипение, похожее на помехи в радио. Иногда ему чудилось, что шепот зовет: «Элайджа... поиграй с нами...». Голоса были разными – один низкий и скрипучий (мужчина?), другой – визгливый и быстрый (девочка?), третий – булькающий, словно сквозь воду (женщина?).

Он стал бояться засыпать. Ночью, когда дом погружался в крошечную тьму и тишину, активность «обитателей стен» достигала пика. Теперь это были не только скрипы и шепот. Это были шаги. Легкие, быстрые, семенящие шажки, будто по чердаку бегал ребенок. Временами раздавался тяжелый, волочащийся звук, как если бы тучная женщина с рисунка тащила что-то по полу за стеной.

Однажды ночью Элайджа проснулся от ощущения, что на него смотрят. Он лежал на боку, лицом к стене. И сквозь по-

луоткрытые веки он увидел – в том самом месте, где он нашел рисунок, в щели между отклеившимися обоями, светилась точка. Крошечное, тусклое пятнышко бледного света. И оно было похоже на глаз.

Он закричал. Кричал до хрипоты, пока в комнату не ворвались Марк и Сара с включенными фонариками на телефонах.

– Что случилось? Кошмар? – испуганно спросила Сара, садясь на край кровати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.